

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 к.

№ 135

(ЮНЬ).

1909.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіяль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. О Евангеліи —Замѣтки мірянина.—Молитва Гоголя.—Звѣзды пу-
стыни. Повѣсть записанная Преподобнымъ Пафнутиемъ, египетскимъ пу-
стынникомъ.—Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.

Прилагается къ Влог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

О ЕВАНГЕЛІИ.

Возлюбленіи Хрістіане, нѣтъ ничего намъ грѣшнымъ пріятнѣе, любезнѣе, и сладчае, какъ Евангеліе. Евангеліе есть съ самага имени всерадостная вѣсть. Оно проповѣдуетъ всему міру Хріста Спасителя міра, Который пришелъ взыскати и спасти погибшаго. Слышите вси грѣшники погибшіе! слышите сладчайшій гласъ Евангелія. Оно вопіетъ всѣмъ намъ: *Прииде Сынъ челоувческій взыскати и спасти погибшаго.* Страшно намъ быть во грѣхахъ предъ Богомъ. Евангеліе проповѣдуетъ, что грѣхи намъ отпускаются имени ради Хрістова, и что Хрістось есть наше оправданіе предъ Богомъ. Въ Тебѣ, Спасе мой, Іисусе Сыне Божій оправдаюся. Ты моя правда и освященіе. Страшно намъ быть во гнѣвѣ у Бога. Евангеліе проповѣдуетъ, что Хрістось насъ примирилъ Богу, и пришедъ благовѣстилъ всѣмъ миръ дальнимъ и ближнимъ. Страшна намъ клятва законная; ибо вси мы грѣшники. Она и временному и вѣчному наказанію грѣшника подвергаетъ. Евангеліе проповѣдуетъ, что Хрістось искупилъ насъ отъ клятвы законной, бывъ по насъ клятва. Страшна намъ смерть. Евангеліе проповѣдуетъ, что Хрістось есть наше воскресеніе и животь. Страшна намъ геенна и адъ. Евангеліе проповѣдуетъ, что Хрістось избавилъ насъ отъ ада и всего того бѣдствія. Отъ насъ требуется, Хрістіане, чтобы мы сію небесную и сладчайшую вѣсть, съ небеси присланную, благодарно приняли, и Богу, благодѣтелю нашему, туне и тако насъ помиловавшему, всегда отъ чиста сердца благодарили, и Ему отъ благодарности святое послушаніе и угожденіе показывали. Самая бо совѣсть увѣщаетъ и убѣждаетъ быть благодарнымъ къ благодѣтелю. Мы отъ Евангелія, яко спасительнаго источника, живую прохладенія и утѣшенія воду почерпати будемъ, и души наши напаяти, и тако вѣчный животь получимъ о Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему же буди слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ Аминь.

(Изъ твореній Св. Тихона Задонскаго).

ЗАМѢТКИ МІРЯНИНА.

Великую благодать являетъ всегда милосердый Господь кающимся грѣшникамъ.

Когда душа омрачается худыми мыслями, когда ослабѣетъ въ ней ревность и усердіе ко всему доброму, когда нападетъ на нее тяжесть, сонливость и уныніе, когда скроется въ ней утѣшеніе вѣры и когда сердце начнетъ склоняться къ соблазнамъ міра сего,—тогда-то вотъ и необходима бываетъ благодатная помощь Свыше, чтобы не пасть въ грѣховныя страсти и не уклониться на пути погибельныя. И помощь Божія не замедлитъ присѣщать сердце въ такія трудныя минуты, особенно когда человѣкъ жалеетъ и ищетъ этой помощи.—Не вѣсть откуда западетъ въ сознание благая и смиряющая мысль и подвигнетъ душу на умиленіе; не вѣсть откуда приблизится къ душѣ благодать Божія—милующая грѣшныхъ и возбудитъ чувства покаянія: вспомнятся тогда всѣ содѣланныя согрѣшенія въ жизни, сознаются и осудятся предъ Господомъ неправоты дѣлъ своихъ и прольются слезы сокрушенія... Очистится душа слезами покаянія, освободится отъ обдержавшихъ ее золъ и оживотворится благодатию. Согрѣется сердце милостию Господнею, распространится любовью и исполнится мира и радости о „Душѣ Святой“... И прославитъ послѣ этого помилованный грѣшникъ величіе благодати Божіей словами св. пророка: *„Коль многое множество благодати Твоея, Господи, юже скрылъ еси боящимся Тебе, содѣлалъ еси уповающимъ на Тя, предъ сыны человеческими“*... (Пс. 30, 20).

МОЛИТВА ГОГОЛЯ.

Въ „М. В.“ напечатана „Молитва Гоголя“ въ стихахъ. Она не помѣщена въ „Полномъ собраніи сочиненій Н. В. Гоголя“, и потому почти совсѣмъ неизвѣстна русскимъ читателямъ.

„Молитва“ имѣетъ свою исторію. Среди Геэсиманскаго скита, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, былъ іеромонахъ о. Исидоръ (Грузинскій), имѣвшій брата, который состоялъ камердинеромъ въ домѣ гр. А. П. и А. Г. Толстыхъ (на Никитскомъ бульварѣ въ Москвѣ), гдѣ жилъ въ послѣдніе годы и скончался Гоголь. По списку, сообщенному названнымъ іеромонахомъ, А. А. Третьяковъ, московскій археологъ, напечаталъ эту „Молитву“ въ „Рус. Архивѣ“ (1897 г., кн. 8), но съ нѣсколькими неточностями. Теперь она появляется въ болѣе исправномъ видѣ. „Молитва“ эта имѣетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о глубокой религіозности этого писателя.

Вотъ эта молитва:

Къ Тебѣ, о Матерь Пресвятая,

Дерзаю вознести мой гласъ,
 Лице слезами омывая:
 Услышь меня въ сей скорбный часъ,
 Прійми теплѣйшія моленья,
 Мой духъ отъ золь и бѣдъ избавь,
 Пролей мнѣ въ сердце умиленье,
 На путь спасенія наставь;
 Да буду чуждъ своей я волѣ,
 Готовъ для Бога все терпѣть;
 Будь мнѣ покровомъ въ горькой долѣ,
 Не дай въ печами умереть.
 Ты всѣмъ прибѣжище несчастнымъ
 За веѣхъ молитвенница насъ,
 О защиты, когда ужасный
 Услышу судный Божій гласъ,
 Когда раскроетъ вѣчность время,
 Гласъ трубный мертвыхъ воскресить,
 И книга совѣсти все бремя
 Грѣховъ моихъ изобличить.
 Стѣна Ты вѣрныхъ и ограда,
 Къ Тебѣ молюся всей душой:
 Спаси меня, моя Отрада,
 Умилосердись надо мной!

ЗВѢЗДЫ ПУСТЫНИ.

Повѣсть, записанная Преподобнымъ Пафнутіемъ, египетскимъ
пустынникомъ.

(Продолженіе).

І.

„Когда я пребывалъ на безмолвіи въ монастырѣ моемъ, вошло мнѣ однажды въ сердце желаніе выйти изъ монастыря моего во внутреннюю пустыню, чтобы видѣть,—есть ли тамъ какой-нибудь инокъ, который бы болѣе моего работалъ Господу? И вотъ, взявъ я на дорогу немного хлѣба и воды и пошелъ въ самую глубь пустыни. Четыре дня шелъ я, не вкушая ни хлѣба, ни воды, и дошелъ до какой-то пещеры. Было въ той пещерѣ одно только малое оконце, а входъ былъ закрытъ. Простоялъ я съ часъ подъ оконцемъ, постукивая въ него время отъ времени, въ надеждѣ, что, по обычаю иноческаго, вотъ-вотъ выйдетъ кто-нибудь на слухъ изъ пещеры и дастъ мнѣ о Христѣ цѣлованіе. И когда убѣдился я, что нѣтъ мнѣ отвѣта и нѣтъ отверзающаго, то самъ тогда открылъ дверь и вошелъ въ пещеру со словомъ:

— Благослови!

И увидѣлъ я старца сидящаго и какъ бы спящаго. И опять промолвилъ я:

— Благослови!

И прикоснулся я къ плечу спящаго, чтобы возбудить его; но къ праху было прикосновеніе мое: осязавъ тѣло старца, нанелъ я, что уже много лѣтъ протекло надъ смертью его. Увидѣлъ я тутъ и одежду его, висящую на стѣнѣ, и когда коснулся ея, то стала она въ рукѣ моей, какъ пыль при дорогѣ. Снялъ я съ себя мантию мою, покрылъ ею тѣло усопшаго, руками ископалъ яму въ землѣ песчаной и предалъ погребенію мощи его съ обычнымъ пѣснопѣніемъ, съ молитвою и со слезами. И вкусилъ я немного взятаго хлѣба, отпилъ воды, подкрѣпилъ силы и заночевалъ у могилы того старца. Утромъ же, сотворивъ молитву, двинулся я опять въ дальнѣйшій путь въ самую глубь отдаленнѣйшей пустыни. И шель я такъ нѣсколько дней, и обрѣлъ другую пещеру, и предъ пещерой той я увидѣлъ слѣды ногъ человѣческихъ, указавшіе мнѣ, что кто-то еще живетъ въ той пещерѣ. Я постучался, но не получилъ отвѣта; вошелъ внутрь, но никого не нашелъ и внутри пещеры. И вышелъ я вонъ, размышляя въ себѣ: видно, живетъ здѣсь какой-то рабъ Божій! И съ мыслию этой отошелъ я на нѣкоторое разстояніе въ пустыню, рѣшивъ ожидать на мѣстѣ томъ раба Божія, котораго возжелалъ я видѣть и привѣтствовать о Господѣ. Весь день тотъ пробылъ я въ ожиданіи и въ непрестанномъ пѣніи псалмовъ Давидовыхъ. И какъ же прекрасно было то мѣсто! Стояла посреди него финиковая пальма, отягченная плодами, и тихо журчалъ источникъ живой воды ключевой. И дивился я красотѣ того мѣста, желая жить въ немъ, если бы только то было возможно... Когда же день сталъ склоняться къ вечеру, увидѣлъ я стадо идущихъ буйволовъ и посреди стада—раба Божія (Былъ же тотъ Божій рабъ—Тимоеей-пустынникъ). И когда приблизились они ко мнѣ, тогда я увидѣлъ, что на мужѣ томъ нѣтъ никакой одежды, и волосы покрываютъ наготу тѣла его. Когда же онъ подошелъ близко къ тому мѣсту, на которомъ я стоялъ, и когда меня замѣтилъ, то сталъ тутъ же на молитву, недоумѣвая, не духъ ли я, или привидѣніе, ибо много разъ, какъ самъ онъ мнѣ потомъ сказывалъ,—искушали его на томъ мѣстѣ привидѣніями духи нечистые. Я же сказалъ ему:

— Чего страшишься ты, рабъ Иисуса Христа Бога нашего? Смотри: вотъ, слѣды отъ ногъ моихъ! Знай же, что я такой же человѣкъ, какъ и ты; осяжи: я—плоть и кровь, а не призракъ или мечтаніе!

Но онъ все еще смотрѣлъ на меня и только, когда увѣрился, что я—человѣкъ, успокоился, возблагодарилъ Господа и сказалъ:

— „Аминь!“

И подошелъ ко мнѣ, и далъ мнѣ цѣлованіе. И ввелъ онъ меня въ пещеру свою, и предложилъ мнѣ въ пищу финики, а въ питіе изъ источника чистую воду; и самъ вкусилъ со мною, меня ради. И спросилъ онъ меня:

— „Зачѣмъ пришелъ ты сюда, братъ мой?“

И я ему отвѣтилъ, объясняя мысль мою и намѣреніе:

— Рабовъ хотѣлъ я видѣть Христовыхъ, живущихъ здѣсь, и вышелъ изъ монастыря моего, и пришелъ сюда: и Богъ помогъ желанію моему, и сподобилъ видѣть твою святыню.

И я спросилъ его:

— Скажи теперь и ты мнѣ, отецъ: какъ ты пришелъ сюда, и сколько лѣтъ живешь ты въ этой пустынѣ, и чѣмъ питаешься, и почему ты нагъ, не одѣваясь никакой одеждой?

И онъ въ отвѣтъ повелъ такъ рѣчь свою:

— „Въ одной пустынѣ Оивайдской вначалѣ пребывалъ я, проводя житіе иноческое и усердно работая Богу; руководѣемъ же моимъ было ткачество. И вошелъ мнѣ въ сердце помыслъ: выйди изъ киновіи, живи одинъ, занимайся своимъ руководѣемъ—и тѣмъ большую получишь ты награду отъ Бога: отъ трудовъ рукъ своихъ не только самъ питаться можешь, но и нищихъ питать и странныхъ упокоивать.—Любовно приклонилъ я слухъ мой къ тому помыслу: вышелъ изъ братства и близъ города устроилъ себѣ отдѣльную келью и сталъ въ ней упражняться въ руководѣліи своемъ. И всего, что собиралъ я отъ трудовъ рукъ моихъ, было мнѣ довольно для жизни моей. Многіе приходили ко мнѣ за моимъ руководѣемъ и за него платили мнѣ всѣмъ, въ чемъ я имѣлъ нужду: и покоилъ я странниковъ, а избытки раздавалъ нищимъ и нуждающимся. Врагъ же діаволь, который непрестанно противъ всѣхъ воюетъ, позавидовалъ жизни моей и постарался ни во что обратить всѣ труды мои. И внушилъ онъ одной женщинѣ придти ко мнѣ и дать заказъ, по руководѣлю моему,—выткать ей полотно. Когда же я выткалъ его и отдалъ ей, тогда она заказала мнѣ другое; и стали мы съ той поры вести другъ съ другомъ бесѣды уже безъ всякаго стѣсненія: и такъ, зачавши грѣхъ, родили мы беззаконіе, пребывъ въ грѣхѣ около шести мѣсяцевъ. И помыслилъ я въ себѣ: не сегодня, такъ завтра, а не миновать мнѣ смерти,—и придется мнѣ тогда пойдти въ муку вѣчную. И сказалъ я себѣ: горе тебѣ, душа моя! бѣги лучше отсюда, чтобы избѣжать грѣха, а съ нимъ и—вѣчной муки!.. Оставилъ я тогда все и бѣжалъ тайно, и пришелъ въ эту пустыню, гдѣ нашелъ эту пещеру, источникъ и пальму эту, а на пальмѣ—двѣнадцать вѣтвей, рождающихъ мнѣ всякій мѣсяцъ каждая столько финиковъ, сколько нужно ихъ на тридцать дней моего пропитанія. Какъ кончится мѣсяцъ, и сой-

дуть плоды съ одной вѣтви, созрѣваетъ другая: и такъ благодатию Божіею и питаюсь я, не имѣя запасовъ въ пещерѣ моей. И обветшавъ отъ времени, спали съ меня одежды мои, а послѣ лѣтъ многихъ (я тридцать лѣтъ уже пребываю въ этой пустынѣ) выросли на мнѣ тѣ волосы, которые ты видишь: вмѣсто одежды мнѣ служатъ они и покрываютъ наготу мою“.

И слышавъ рѣчь праведнаго (такъ пишетъ Пафнутій), спросилъ я его:

— Повѣдай мнѣ, отецъ, о чемъ спрошу тебя: была ли тебѣ скорбь какая въ началѣ твоего прихода сюда, или нѣтъ?

И отвѣтилъ мнѣ праведникъ:

— „Безчисленные претерпѣлъ я нападенія бѣсовскія. Много разъ брались они бороться со мною, но не одолѣли при помощи Божіей, ибо противился я имъ знаменіемъ крестнымъ и молитвою. Но скорбь мнѣ была не отъ однихъ нападеній вражіихъ, была мнѣ она и отъ тѣлесной болѣзни: я такъ мучился отъ страданій желудка, что отъ этой болѣзни падалъ на землю и не могъ, стоя на ногахъ, творить обычной молитвы; валяясь на землѣ въ пещерѣ моей, совершалъ я пѣніе мое въ такомъ тяжкомъ страданіи, что даже и наружу не могъ выйдти. Молился же я тогда Богу милосердому, да подастъ Онъ мнѣ прощеніе грѣховъ ради моей лютой болѣзни. И сидѣлъ я однажды на землѣ, тяжело утробю своею страдая, и увидѣлъ внезапно предъ собою почтеннаго мужа. И онъ спросилъ меня:

— „Чѣмъ хвораетъ?“

Я же едва могъ отвѣтить ему:

— „Утробю болѣю, господинъ мой“.

И сказалъ онъ мнѣ:

— „Покажи, гдѣ болитъ!“

И я ему показалъ. Онъ же простеръ руку свою, возложилъ ее на больное мѣсто, и я тотчасъ же исцѣлился. И сказалъ мнѣ тотъ мужъ:

— „Ты здоровъ теперь. Смотри-жь, не согрѣшай, чтобы горшаго тебѣ чего не было, но работай Господу отнынѣ и до вѣка!“

И съ того времени я всѣмъ здоровъ, благодаря Бога и прославляя милосердіе Его“.

Въ такой-то бесѣдѣ,—пишетъ Пафнутій,—провели мы почти всю ночь, а къ утру возстали на обычную молитву. Когда же насталъ день, началъ я просить того преподобнаго отца, чтобы благословилъ онъ мнѣ жить при немъ, а если нельзя при немъ, то гдѣ-нибудь въ ближайшемъ отъ него мѣстѣ. Но онъ на просьбу мою отвѣтилъ:

— „Не можешь, братъ, терпѣть ты здѣсь бѣсовскихъ искушеній“.

И не позволилъ мнѣ пребывать при немъ. И молилъ я его:

— „Скажи мнѣ хоть имя свое!“

— „Имя мое“, сказалъ онъ мнѣ: „Тимоеей. Поминай меня, братъ мой возлюбленный, и моли обо мнѣ Христа Бога, чтобы Онъ до конца моего не лишилъ меня Своего милосердія, котораго я отъ Него удостоиваюсь“.

Я же, Пафнутій, припалъ къ ногамъ его, прося и его молитвъ за меня. И сказалъ онъ мнѣ на это:

— „Да благословитъ тебя Владыка нашъ Иисусъ Христосъ и да покроетъ Онъ тебя отъ всякой сѣти дьявольской, и да подастъ Онъ тебѣ ходить въ путяхъ правыхъ и перейти непреткновенно ко святымъ Его!“

И, благословивъ такъ, отпустилъ меня преподобный Тимоеей съ миромъ. Изъ рукъ его принялъ я на путь плодовъ финиковыхъ, почерпнулъ въ сосудъ свой воды изъ источника, поклонился старцу святому и отошелъ отъ него, славя и благодаря Бога, что сподобилъ Онъ меня видѣть такого Своего угодника, попользоваться отъ словъ его и принять его благословеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.

(Продолженіе).

XIII.

Не помню, чтобъ я испыталъ что нибудь похожее на страхъ, при видѣ своего двойника; меня охватило только недоумѣніе: какъ же это? Я чувствую себя здѣсь, а между тѣмъ и тамъ тоже я.

Я оглянулся на себя, стоящаго посреди комнаты. Да, это несомнѣнно, былъ я, точно такой же, какимъ я зналъ себя.

Я захотѣлъ осязать себя, взять правою рукою за лѣвую: моя рука прошла насквозь, попробовалъ охватить себя за талию—рука снова прошла чрезъ мой корпусъ, какъ по пустому пространству.

Пораженный такимъ страннымъ явленіемъ, я хотѣлъ, чтобы мнѣ со стороны помогли разобраться въ немъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, протянулъ руку, желая дотронуться до плеча доктора, но почувствовалъ что и иду я какъ-то странно, не ощущая прикосновенія къ иолу, и рука моя, какъ ни стараюсь я, все никакъ не можетъ достигнуть фигуры доктора, всего можетъ быть, какой нибудь вершокъ—два остается пространства, а дотронуться до него не могу.

Я слѣлалъ усиліе стать твердо на полъ, но хотя корпусъ

мой повиновался моимъ усиліямъ и опускался внизъ, а достигнуть пола, такъ же какъ фигуры доктора, мнѣ оказалось невозможнымъ. Тутъ тоже оставалось ничтожное пространство, но преодолѣть его я никакъ не могъ.

И мнѣ живо вспомнилось, какъ нѣсколько дней тому назадъ сидѣлка нашей палаты, желая предохранить мою микстуру отъ порчи, опустила пузырь съ нею въ кувшинъ съ холодною водою, но воды въ кувшинѣ было много, и она сейчасъ же вынесла легкій пузырь на верхъ; а старушка, не понимая въ чемъ дѣло, настойчиво и разъ, и въ другой, и въ третій опускала его на дно и даже придерживала его пальцемъ, въ надеждѣ, что онъ устоится, но едва принимала палецъ, какъ онъ снова выворачивался на поверхность.

Такъ, очевидно, и для меня, *теперешняго* меня, окружавшій воздухъ былъ уже слишкомъ плотенъ.

XIV.

Что же сдѣлалось со мной?

Я позвалъ доктора, но атмосфера, въ которой я находился, оказывалась совсѣмъ не пригодною для меня: она не восприняла и не передала звуковъ моего голоса, и я понялъ свою полную разобщенность со всѣмъ окружающимъ, свое странное одиночество, и паническій страхъ охватилъ меня. Было дѣйствительно что то невыразимо ужасное въ этомъ необыкновенномъ одиночествѣ. Заблудился ли человѣкъ въ лѣсу, тонетъ ли онъ въ пучинѣ морской, горитъ ли въ огнѣ, сидитъ ли въ одиночномъ заключеніи,—онъ никогда не теряетъ надежды, что его услышатъ; онъ знаетъ, что его поймутъ, лишь бы донесся куда нибудь его зовъ, его крикъ о помощи: онъ понимаетъ, что его одиночество продолжится только до той минуты, пока онъ не увидитъ живое существо, что войдетъ сторожъ въ его казематъ и онъ можетъ сейчасъ же заговорить съ нимъ, высказать ему что желаетъ, и тотъ пойметъ его.

Но видѣть вокругъ себя людей, слышать и понимать ихъ рѣчь, и въ то же время знать, что ты, что бы ни случилось съ тобой, не имѣешь никакой возможности заявить имъ о себѣ, ждать отъ нихъ, въ случаѣ нужды, помощи,—отъ такого одиночества волосы на головѣ становились щетиной, умъ цѣпенѣлъ. Оно было хуже пребыванія на необитаемомъ островѣ, потому что тамъ хоть природа воспринимала бы проявленіе вашей личности, а здѣсь въ одномъ этомъ лишеніи возможности сообщаться съ окружающимъ міромъ, какъ явленіи неестественномъ для человѣка, было столько мертвящаго страха, такое страшное сознаніе беспомощности, какого нельзя испытать ни въ какомъ другомъ положеніи и передать словами.

Я, конечно, сдался не сразу: я всячески пробовалъ и старался заявить о себѣ, но попытки эти приводили меня лишь въ полное отчаяніе. Неужели же они не видятъ меня?—съ отчаяніемъ думалъ я, и снова, и снова приближался къ стоявшей надъ моею койкой группѣ лицъ, но никто изъ нихъ не оглядывался, не обращалъ на меня вниманія, и я съ недоумѣніемъ осматривалъ себя, не понимая—какъ могутъ они не видѣть меня, когда я такой же, какъ былъ. Но дѣлалъ попытку осязать себя, и рука моя снова разсѣкала лишь воздухъ.

„Но вѣдь я же не призракъ, я чувствую и сознаю себя, и тѣло мое есть дѣйствительно тѣло, а не какой нибудь обманчивый миражъ“, думалъ я, и снова пристально осматривалъ себя и убѣждался, что тѣло мое, несомнѣнно, было тѣло, ибо я могъ всячески разсматривать его и совершенно ясно видѣть малѣйшую черточку, точку на немъ. Внѣшній видъ его оставался такимъ же, какъ былъ и прежде, но измѣнилось, очевидно, свойство его; оно стало недоступно для осязанія, и окружающій воздухъ сталъ настолько плотенъ для него, что не допускаетъ его полного соприкосновенія съ предметами.

„Астральное тѣло. Кажется, это такъ называется?“ мелькнуло въ моей головѣ. „Но почему же, что случилось со мной?“ задавалъ я себѣ вопросы, стараясь припомнить, не слышалъ ли я когда нибудь разказовъ о такихъ состояніяхъ, странныхъ транс-фигураціяхъ въ болѣзняхъ...

XV.

— Нѣтъ, ничего тутъ не подѣлаешь! Все кончено, безнадежно махнувъ рукой, проговорилъ въ это время младшій докторъ, и отошелъ отъ койки, на которой лежалъ другой я.

Мнѣ стало невыразимо досадно, что они все толкуютъ и хлопчутъ надъ тѣмъ моимъ я, котораго я совершенно не чувствовалъ, которое совсѣмъ не существовало теперь для меня, и оставляютъ безъ вниманія другого, настоящаго меня, который все сознаетъ и, мучась страхомъ неизвѣстности, ищетъ, требуетъ ихъ помощи.

„Неужели они не хватятся меня, неужели не понимаютъ, что тамъ меня нѣтъ?“—съ досадой думалъ я, и, подойдя къ койкѣ, глянулъ на того себя, который въ ущербъ моему настоящему я, привлекалъ вниманіе находившихся въ палатѣ людей.

Я глянулъ, и тутъ только впервые у меня явилась мысль: да не случилось ли со мною того, что на нашемъ языкѣ, на языкѣ живыхъ людей опредѣляется словомъ „смерть“?

Это пришло мнѣ въ голову потому, что мое лежавшее на койкѣ тѣло имѣло совершенно видъ мертвеца: безъ движенія, бездыханное, съ покрытымъ какою-то особенно блѣдностью ли-

цомъ, съ плотно сжатыми, слегка посинѣлыми губами, оно живо напомнило мнѣ всѣхъ видѣнныхъ мною покойниковъ. Сразу можетъ показаться страннымъ, что только при видѣ своего бездыханнаго тѣла я сообразилъ, что именно случилось со мною, но, вникнувъ и прослѣдивъ, что чувствовалъ и испытывалъ я, такое странное, по первому взгляду, недоумѣніе мое станетъ понятнымъ.

Въ нашихъ понятіяхъ со словомъ „смерть“ неразлучно связано представленіе о какомъ-то уничтоженіи, прекращеніи жизни, какъ же могъ я думать, что умеръ, когда я ни на одну минуту не терялъ самосознанія, когда я чувствовалъ себя такимъ же живымъ, все слышащимъ, видящимъ, сознающимъ, способнымъ двигаться, думать, говорить? О какомъ уничтоженіи могла быть тутъ рѣчь, когда я и отлично видѣлъ себя, и въ то же время даже сознавалъ и странности своего состоянія? Даже слова доктора, что „все кончено“ не остановили на себѣ моего вниманія и не вызвали догадки о случившемся—настолько разнствовало то, что произошло со мною, съ нашими представленіями о смерти!

Разобщеніе со всѣмъ окружающимъ, раздвоеніе моей личности скорѣе всего могло бы дать понять мнѣ случившееся, если бы я вѣрилъ въ существованіе души, былъ человѣкомъ религіознымъ; но этого не было, и я водился лишь тѣмъ, что чувствовалъ, а ощущеніе жизни было настолько ясно, что я только недоумѣвалъ надъ странными явленіями, будучи совершенно не въ состояніи связывать моихъ ощущеній съ традиционными понятіями о смерти, то-есть, чувствуя и сознавая себя, думать, что я не существую.

Впослѣдствіи мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ людей религіозныхъ, то-есть не отрицавшихъ существованія души и загробной жизни, такое мнѣніе или предположеніе, что душа человѣка, едва только сброситъ онъ съ себя брентную плоть, сейчасъ же становится какимъ-то всевѣдущимъ существомъ, что для нея ничего нѣтъ непонятнаго и удивительнаго въ новыхъ сферахъ, въ новой формѣ ея бытія, что она не только мгновенно входитъ въ новые законы открывшагося ей новаго міра и своего измѣненнаго существованія, но что все это такъ сродно ей, что этотъ переходъ есть для нея какъ бы возвращеніе въ настоящее отечество, возвращеніе къ естественному ея состоянію. Такое предположеніе основывалось главнымъ образомъ на томъ, что душа есть духъ, а для духа не можетъ существовать тѣхъ ограниченій, какъ существуютъ они для плотскаго человѣка.

XVI.

Предположеніе такое, конечно, совершенно невѣрно.

Изъ вышеописаннаго читатель видитъ, что я явился въ этотъ

новый міръ такимъ же, какимъ ушелъ изъ стараго, то-есть почти съ тѣми же способностями, понятіями и познаніями, какія имѣлъ, живя на землѣ.

Такъ: желая какъ-нибудь заявить о себѣ, я прибѣгалъ къ такимъ же пріемамъ, какіе обыкновенно употребляются для этого всѣми живыми людьми, то-есть я звалъ, подходилъ, старался дотронуться, толкнуть кого-нибудь; замѣтивъ новое свойство своего тѣла, я находилъ это страннымъ, слѣдовательно — понятія у меня оставались прежнія: иначе это не было бы для меня страннымъ,— и, желая убѣдиться въ существованіи моего тѣла, я опять-таки прибѣгалъ къ обычному мнѣ, какъ человѣку, для этого способу.

Даже понявъ, что я умеръ, я не постигъ какими нибудь новыми способами происшедшей во мнѣ перемѣны и, недоумѣвая, то называлъ мое тѣло, „астральнымъ“, то у меня пронеслась мысль, что не съ такимъ ли тѣломъ былъ созданъ первый человѣкъ и что полученныя имъ послѣ паденія кожаныя ризы, о которыхъ упоминается въ Библии, не есть ли то брэнное тѣло, которое лежитъ на койкѣ и чрезъ нѣсколько времени превратится въ прахъ;—однимъ словомъ, желая понять случившееся, я подводилъ такія ему объясненія, какія вѣдомы и доступны были мнѣ по моимъ земнымъ познаніямъ.

И это естественно. Душа, понятно, есть духъ, но духъ, созданный для жизни съ тѣломъ: поэтому, какимъ же образомъ тѣло можетъ явиться для нея чѣмъ-то въ родѣ тюрьмы, какими-то узами, приковывающими ее къ несродному будто бы ей существованію?

Нѣтъ, тѣло есть законное, предоставленное ей жилище, и поэтому она явится въ новый міръ въ той степени своего развитія и зрѣлости, какихъ достигла въ совмѣстной жизни съ тѣломъ, въ положенной ей нормальной формѣ ея бытія. Конечно, если человѣкъ былъ при жизни духовно развитъ, настроенъ, его душѣ многое будетъ болѣе сродно и оттого понятнѣе въ этомъ новомъ мірѣ, чѣмъ душѣ того, кто жилъ, никогда не думая о немъ, и тогда какъ первая въ состояніи будетъ, такъ сказать, сразу читать тамъ, хотя и не бѣгло и съ запинками, второй, подобной моей, нужно начинать съ азбуки, нужно время,—чтобы уразумѣть и тотъ фактъ, о которомъ она никогда не помышляла, и ту страну, въ какую она попала и въ которой никогда и мысленно не бывала.

Вспоминая и продумывая впоследствии свое тогдашнее состояніе, я замѣтилъ только, что мои умственные способности дѣйствовали и тогда съ такою удивительною энергіей и быстротой, что, казалось, не оставалось ни малѣйшей черты времени для того, чтобы съ моей стороны слѣлать усиліе сообразить, сопо-

ставить, вспомнить что-нибудь; едва что-либо являлось предомною, какъ память моя, мгновенно пронизывая прошлое, выкапывая всѣ завалавшіяся тамъ и заглохшія крохи знаній по данному предмету, и то, что въ другое время, несомнѣнно, вызвало бы мое недоумѣніе, теперь представлялось мнѣ какъ бы извѣстнымъ. Иногда я даже какимъ-то наитіемъ предугадывалъ и невѣдомое мнѣ, но все-таки не раньше чѣмъ оно представлялось моимъ глазамъ. Въ этомъ только и заключалась особенность моихъ способностей, кромѣ тѣхъ, которыя являлись слѣдствіемъ моего измѣненнаго естества.

XVII.

Перехожу къ повѣствованію о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ моего невѣроятнаго происшествія.

Невѣроятно! Но если оно до сихъ поръ казалось невѣроятнымъ, то эти дальнѣйшія обстоятельства явятся въ глазахъ моихъ образованныхъ читателей такими „наивными“ небылицами, что о нихъ и повѣствовать бы не стоило; но, быть-можетъ, для тѣхъ, кто пожелаетъ взглянуть на мой разсказъ иначе, самая наивность и скудость послужатъ удостовѣреніемъ его истинности, ибо еслибы я сочинялъ, выдумывалъ, то здѣсь для моей фантазіи открывается широкое поле и, конечно, я бы выдумалъ что-нибудь помудренѣе, поэффектнѣе.

Итакъ, что же дальше было со мной? Доктора вышли изъ палаты, оба фельдшера стояли и толковали о перипетіяхъ моей болѣзни и смерти, а старушка няня (сидѣлка), повернувшись къ иконѣ, перекрестилась и громко высказала обычное въ такихъ случаяхъ пожеланіе мнѣ...

— Ну, царство ему небесное, вѣчный покой.

И едва произнесла она эти слова, какъ подлѣ меня явились два Ангела; въ одномъ изъ нихъ я почему-то узналъ моего Ангела-Хранителя, а другой былъ мнѣ неизвѣстенъ ¹⁾.

Взявъ меня подъ руки, Ангелы вынесли меня прямо чрезъ стѣну изъ палаты на улицу.

XVIII.

Смерклось уже, шелъ небольшой, тихій снѣжокъ. Я видѣлъ это, но холода и вообще переменъ между комнатною температурою и надворною не ощутилъ. Очевидно, подобныя вещи утратили для моего измѣненнаго тѣла свое значеніе. Мы стали быстро

¹⁾ Таковымъ онъ остается для меня и понынѣ, хотя впоследствии я у многихъ лицъ духовныхъ спрашивалъ, нѣтъ ли въ ученіяхъ нашей Церкви или въ твореніяхъ Св. Отцовъ какихъ-либо указаній на его появленіе при смерти человѣка? Но до сихъ поръ только отъ одного простого странника вскользь слышалъ, что нужно молиться и „встрѣчному ангелу“, и на мой вопросъ, какой это встрѣчный ангелъ? онъ лишь кратко сказалъ: „а тотъ, который встрѣтитъ тамъ твою душу“, и болѣе я ничего не узналъ.

подыматься вверхъ. И по мѣрѣ того какъ подымались мы, взору моему открывалось все большее и большее пространство, и наконецъ, оно приняло тѣяе ужасающіе размѣры, что меня охватило страхъ отъ сознанія моего ничтожества передъ этою безконечной пустыней. Въ этомъ, конечно, сказывались нѣкоторыя особенности моего зрѣнія: во-первыхъ, было темно, а я видѣлъ все ясно, слѣдовательно, зрѣніе мое получило способность видѣть въ темнотѣ; во-вторыхъ, я охватывалъ взоромъ такое пространство, какого, несомнѣнно, не могъ охватить моимъ обыкновеннымъ зрѣніемъ, но этихъ особенностей я, кажется, не сознавалъ тогда, а что я вижу не все, что для моего зрѣнія, какъ ни широкъ его кругозоръ, все-таки существуетъ предѣлъ,—это я отлично понималъ и ужасался. Да, насколько стало-быть свойственно человѣку цѣнить во что-то свою личность: я сознавалъ себя такимъ ничтожнымъ, ничего не значущимъ атомомъ, появленіе или исчезновеніе котораго, понятно, должно было оставаться совѣмъ незамѣченнымъ въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ, но вмѣсто того, чтобы находить для себя въ этомъ нѣкоторое успокоеніе, своего рода безопасность, я страшился... что затеряюсь, что эта необъятность поглотитъ меня, какъ жалкую пылинку. Удивительный отпоръ ничтожной точки всеобщему (какъ мнѣя нѣкоторыя) закону разрушенія, и знаменательное проявленіе сознанія человѣкомъ его безсмертія, его вѣчнаго личнаго бытія!

XIX,

Идея времени погасла въ моемъ умѣ, и я не знаю, сколько мы еще подымались вверхъ, какъ вдругъ послышался сначала какой-то неясный шумъ, а затѣмъ, выплывъ откуда-то, къ намъ съ крикомъ и гогомомъ стала быстро приближаться толпа какихъ-то безобразныхъ существъ.

„Бѣсы!“ съ необычайною быстротой сообразилъ я и оцѣпенѣлъ отъ какого-то особеннаго, невѣдомаго мнѣ дотолѣ ужаса. Бѣсы! О, сколько ироніи, сколько самаго искренняго смѣха вызвало бы во мнѣ всего нѣсколько дней, даже часовъ тому назадъ чье-нибудь сообщеніе, не только о томъ, что онъ видѣлъ своими глазами бѣсовъ, но что онъ допускаетъ существованіе ихъ, какъ тварей извѣстнаго рода! Какъ и подобало „образованному“ человѣку конца девятнадцатаго вѣка, я подъ этимъ названіемъ разумѣлъ дурныя склонности, страсти въ человѣкѣ, почему и самое слово это имѣло у меня значеніе не имени, а термина, опредѣлявшаго извѣстное отвлеченное понятіе. И вдругъ это „извѣстное отвлеченное понятіе“ предстало мнѣ живымъ олицетвореніемъ! Не могу и до сихъ поръ сказать, какъ и почему я тогда безъ малѣйшаго недоумѣнія призналъ въ этомъ безобразномъ видѣніи бѣсовъ. Несомнѣнно лишь, что такое опредѣленіе

совѣмъ выходило изъ порядка вещей и логики, ибо, предстань мнѣ подобное зрѣлище въ другое время, я несомнѣнно сказалъ бы, что это какая-то небылица въ лицахъ, уродливый капризь фантазій,—однимъ словомъ, все что угодно, но ужъ конечно, никакъ не назвалъ бы его тѣмъ именемъ, подъ которымъ понималъ нѣчто такое, чего и видѣть нельзя. Но тогда это опредѣленіе вылилось съ такою быстротой, какъ будто тутъ и думать было не зачѣмъ, какъ будто я увидѣлъ что-то давно и хорошо мнѣ извѣстное, и такъ какъ мои умственные способности работали въ то время, какъ говорилъ я, съ какою-то непостижимою энергіей, то я почти такъ же быстро сообразилъ, что безобразный видъ этихъ тварей не былъ ихъ настоящею внѣшностью, что это былъ какой-то мерзкій маскарадъ, придуманный, вѣроятно, съ цѣлью больше утратить меня и на мгновение что-то похожее на гордость шевельнулось во мнѣ. Мнѣ стало стыдно за себя, за человѣка вообще, что для того, чтобы испугать его, столь много мнящаго о себѣ, другія твари прибѣгаютъ къ такимъ пріемамъ, какіе нами практикуются лишь по отношенію къ малымъ дѣтямъ.

Окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, бѣсы съ крикомъ и гамомъ требовали, чтобы меня отдали имъ, они старались какъ-нибудь схватить меня и вырвать изъ рукъ Ангеловъ, но, очевидно, не смѣли этого сдѣлать. Среди ихъ невообразимаго и столь же отвратительнаго для слуха, какъ сами они были для зрѣнія, воя и гама я улавливалъ иногда слова и цѣлыя фразы.

— Онъ нашъ: онъ отъ Бога отрекся,—вдругъ чуть не въ одинъ голосъ завопили они, и при этомъ ужъ съ такою наглостью кинулись на насъ, что отъ страха у меня на мгновение застыла всякая мысль.

„Это ложь! Это неправда!“ опомнившись, хотѣлъ крикнуть я, но услужливая память связала мнѣ языкъ. Какимъ-то непонятнымъ образомъ мнѣ вдругъ вспомнилось такое маленькое, ничтожное событіе, и къ тому же и относившееся еще къ давно миновавшей эпохѣ моей юности, о которомъ, кажется, я и вспомнить никакъ не могъ.

XX.

Мнѣ вспомнилось какъ еще во времена моего ученья, собравшись однажды у товарища, мы, потолковавъ о своихъ школьныхъ дѣлахъ, перешли затѣмъ на разговоръ о разныхъ отвлеченныхъ и высокихъ предметахъ,—разговоры, какіе велись нами зачастую.

— Я вообще не люблю отвлеченностей, говорилъ одинъ изъ моихъ товарищей,—а здѣсь ужъ совершенная невозможность. Я могу вѣрить въ какую-нибудь, пусть еще и неизслѣдованную наукой, силу природы, то-есть я могу допустить ея существованіе,

и не видя ея явныхъ, опредѣленныхъ проявленій, потому что она можетъ быть очень ничтожной или сливающейся въ своихъ дѣйствіяхъ съ другими силами и оттого ее трудно и уловить; но вѣровать въ Бога, какъ въ Существо личное и всемогущее, вѣрить—когда я не вижу нигдѣ ясныхъ проявленій этой Личности—это ужъ абсурдъ. Мнѣ говорятъ: вѣруй. Но почему долженъ я вѣровать, когда я одинаково могу вѣрить и тому, что Бога нѣтъ. Вѣдь правда же? И можетъ быть Его и нѣтъ?—уже въ упоръ ко мнѣ отнесся товарищъ.

— Можетъ-быть, и нѣтъ, проговорилъ я.

Фраза эта была въ полномъ смыслѣ слова „празднымъ глаголомъ“: во мнѣ не могла вызвать сомнѣній въ бытіи Бога безтолковая рѣчь пріятеля, я даже не особенно слѣдилъ за разговоромъ,—и вотъ теперь оказывалось, что этотъ праздный глаголь не пропалъ безслѣдно въ воздухѣ, мнѣ надлежало оправдываться, защищаться отъ взводимаго на меня обвиненія, и такимъ образомъ удостовѣрилось евангельское сказаніе, что, если и не по волѣ вѣдущаго тайная сердца человѣческаго Бога, то по злобѣ врага нашего спасенія, намъ дѣйствительно предстоитъ дать отвѣтъ и во всякомъ праздномъ словѣ.

Обвиненіе это, повидимому, являлось самымъ сильнымъ аргументомъ моей гибели для бѣсовъ, они какъ бы почерпнули въ немъ новую силу для смѣлости своихъ нападеній на меня и ужъ съ неистовымъ ревомъ завертѣлись вокругъ насъ, преграждая намъ дальнѣйшій путь.

Я вспомнилъ о молитвѣ и сталъ молиться, призывая на помощь тѣхъ Святыхъ, которыхъ зналъ и чьи имена пришли мнѣ на умъ. Но это не устрашало моихъ враговъ. Жалкій невѣжда, хрістіанинъ лишь по имени, я чуть ли не впервые вспомнилъ о Той, Которая именуется Заступницей рода хрістіанскаго.

Но, вѣроятно, горячъ былъ мой порывъ къ Ней, вѣроятно, такъ преисполнена была ужаса душа моя, что едва я, вспомнивъ, произнесъ Ея имя, какъ вокругъ насъ вдругъ появился какой-то бѣлый туманъ, который и сталъ быстро заволакивать безобразное сонмище бѣсовъ, скрывая его отъ моихъ глазъ, прежде чѣмъ оно успѣло отдѣлиться отъ насъ. Ревъ и гоготъ ихъ слышался еще долго, но потому, какъ онъ постепенно ослабѣвалъ и становился глуше, я могъ понять, что страшная погоня отставала отъ насъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).